

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

ДЖЕЙМС СМАЙТ

ИСКАТЕЛЬ

Звезды научной фантастики

Джеймс Смайт

Искатель

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Смайт Д.

Искатель / Д. Смайт — «Издательство АСТ», 2013 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-183934-5

Когда журналиста Кормака Истона выбирают для освещения первой пилотируемой экспедиции в далекий космос, он понимает, что вошел в историю, но даже не подозревает, какие ужасы его ждут впереди. Команда выходит из гиперсна, и они выясняют, что их капитан умер прямо в капсуле, причем без всяких видимых причин. От Земли экипаж получает единственное послание: что бы ни случилось, миссия должна продолжаться. Но странные несчастные случаи множатся, люди гибнут, и в результате Кормак остается один, летит навстречу неизбежной смерти... если только не сможет все изменить. Ведь неизведанное пространство скрывает в себе немало тайн, способных радикально трансформировать реальность, что так привычно человеку.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-183934-5

© Смайт Д., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джеймс Смайт Искатель

© James Smythe 2013

Translation © Ast Publishers Ltd 2026, translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd.

© Галина Соловьева, перевод, 2026

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Дизайн обложки: Юлия Межова

Часть первая

*Я стремился не только зайти дальше, чем кто-либо до меня, но и
дойти до предела возможного.*

Капитан Кук

1

Поняв, что мне не вернуться домой – когда я остался один из команды, а остальные распаханы по стазис-капсулам, как застывшие куклы в вакуумной упаковке, – я первым делом составил список всех, кого больше не увижу: чтоб мне в нем купаться, плавать кругами, тоскуя по ним изо всех своих сил. Меня зовут Кормак Истон, я журналист и, пожалуй что, астронавт. В числе моих корабельных обязанностей было управление связью с родиной, съемка видео и запись новостей для прямой отправки на Землю. Никто не мог точно сказать, долго ли будут доходить наши передачи – если они вообще дойдут, учитывая расстояние и помехи, – но это было хоть что-то. Так я посылал свои доклады, полагая, что с личным они сами разберутся – передадут кому надо. Список вышел длинным. На самом верху была Елена. По ней я тосковал еще до отлета. В последние дни перед стартом пытался связаться с ней, посылал сообщения, рассказывал о своих чувствах, ведь что нас поссорило – эта моя работа, этот полет, и мне хотелось понять, нельзя ли, когда все будет позади, попробовать заново. Говорят, надежда умирает последней. А когда я сообразил, что надежды на примирение не осталось? Тогда пришло другое. Я по ней уже не тосковал – вместо того пришло отчаяние, или какое еще есть слово для того, когда все разваливается, рассыпается и ты не справляешься? Я скрывал свои чувства от товарищей по команде, потому что не хотел испортить экспедицию, не хотел их обременять. Это попало в мои сообщения. Я говорил Елене, что скучаю по ней и всегда буду тосковать и что, если есть Бог, мы с ней еще встретимся, хоть я в это и не верю. Просто эти слова казались подходящими к случаю.

Кого я еще не увижу? Родителей, отца и мать. Родители у меня – были – учителями. Под конец жизни, уже на пенсии, мать ушла от отца, и тот решил полностью порвать со мной. В книгах пишут, что отвержение в семье часто бывает прямым результатом работы защитных механизмов психики, но он, мне кажется, просто искал предлога. Мы плохо ладили, и он, когда пропал, пропал насовсем. Не звонил поздравить с днем рождения, не писал – ничего. Я его больше пяти лет не видел. Не знаю, может, он уже умер. Иногда я так и думаю. Так проще, чем искать объяснений. Мать умерла полгода назад – что-то с сердцем, – и на похороны отец не пришел, не позвонил – ничего. Еще у меня был кот, хотя, когда я улетаю, он куда-то запропастился – обычное дело, уложенный чемодан на кровати означал отпуск, и тогда он удирает, где-то прятался, мстил за непростительную измену. С уходом Елены, честно говоря, было довольно тяжело. Мои друзья жили далеко, и их дети, и работа, и разрыв с Еленой нас разделяли. И еще моя команда – та, с которой я стартовал, с которой начинал путешествие. Команда умирала по клочкам и каплям, по ниточке, по прядке – здесь, со мной. Моя команда – я никогда на самом деле не был одним из них, даже после подготовки, потому что они понимали больше меня, понимали в технике. От них зависела экспедиция. А я был балластом. Штатские никогда не вписываются полностью; эти ребята готовились всю жизнь. Меня послали ради пиара; их – ради науки. Я мог бы возразить, что, как и они, гнался за приключением, за духом открытий – они бы, думаю, это поняли, но теперь уж им не скажешь. Они умирали один за другим, словно по списку. Первым ушел Арлен.

Арлен был первым пилотом, откуда-то со Среднего Запада – вроде бы из Огайо, но об Америке он говорил так, будто жил всюду разом, сыпал названиями больших и малых городков и о каждом находил что рассказать. Он был отличным рассказчиком, такой типаж, и несколькими годами старше остальных. Когда мы знакомились, был чисто выбрит, а в полете отрастил бороду – хотел посмотреть, что с ней станет в стазисе.

«Вдруг, – говорил он, – мы вырубимся, а она будет и дальше расти. Хочу разобраться, до какой степени нас на самом деле замораживают». Нам предстояло провести в заморозке всего две недели, но он сказал, что, если будет расти достаточно быстро, он заметит разницу. Ему казалось забавным, если он, раз проспав, из аккуратиста превратится в неряху. Он любил пошутить, этот Арлен. И умер в стазисе – или просто не проснулся, как ни поверни. Мы один за другим выходили из капсул, как на тренировках, и его очередь была первой, чтобы он все подключил, прогнал диагностику до выхода остальных, только его койка почему-то не раскрылась. Пока мы ее вскрывали, с ним было кончено. Видно, что-то случилось при старте, потому что, когда мы ложились, все работало как надо: мы прогнали стресс-тесты, чтобы убедиться, а там чуть ли не защита от дураков стоит. Эти капсулы были задуманы как средство спасения на крайний случай, так что выход одной из строя не внушал нам уверенности. Все мы выходили из капсул мокрыми насквозь, потому что во сне ты потеешь, тело непрерывно теряет воду. Арлен был сухим, кожа болезненного голубовато-серого оттенка, сухая и жесткая, с нее отслаивались пыльные хлопья с ноготь величиной. Мы попробовали дефибриллятор, но без толку. Кожа потрескалась, и глаза высохли, как зефирины, и стало ясно, что остается только уложить его обратно и запечатать. Мы сказали несколько слов, уведомили Землю, кто-то поплакал, но для экспедиции, как сказал центр управления, это было не критично. Недаром мы не ограничились одним пилотом.

«Возможно всякое, – сказал нам центр управления. – Вас к этому готовили».

Второй умерла Ванда. Мы в шутку прозвали ее Юнгой, потому что ей доставалась вся мерзкая работа и она послушно исполняла все, что велит начальство. В том числе почему-то и я, хотя у меня не было официального ранга, но она вела себя так, будто был. Может, из уважения или по благовоспитанности. Не знаю. Ее завербовали прямо из университета Лиги Плюща, и вела она себя соответственно. Исполняла наши просьбы, но всегда как бы нехотя, и была кислой, грустной. Мы решили, что скучает по дому. Она тоже была американка (они с Арленом – американский контингент: первыми в бой, первыми в отпуск, как в анекдоте какой-то давней войны) и говорила с южным акцентом, хоть и уверяла, что из Вашингтона. У нас с ней было кое-что общее – головные боли. У меня сильные головные боли при низкой гравитации – конечно, я об этом не знал, пока мы не взлетели. Думаю, такое изредка бывает у большинства. Все дело в давлении. У меня, пока мы не взлетели, голова никогда не болела, и у Ванды тоже. Нам с этим пришлось хуже всех – или мы сильнее других это чувствовали, поначалу, пока не привыкли. Ванда погибла вне корабля, в космосе. В скафандре была прореха или трещина, а мы ведь их столько раз проверяли и перепроверяли, что не поверили в ее гибель. Рутинный осмотр обшивки каждые несколько дней: мы вырубали тягу, проверяли, что все наружное оборудование в норме и корпус цел. Мы шли в новые районы космоса – первые, никто еще так далеко не заходил. С обшивкой могли возникнуть проблемы, и мы послали Юнгу – Ванду – проверить. Она была на страховке, а мы завтракали. Она вышла к верхней части корпуса, и трос натянулся, и она поплыла куда-то с полным шлемом крови, такой густой, что мы даже лица не видели. Пока мы тянули ее внутрь, у нее под веками лопнули глаза. Шлем просто залило, как батискаф, как аквариум для золотых рыбок. Она плотно закрыла рот, зажмурила глаза, как нас учили на случай разгерметизации, а вот ноздри... Ноздрей мы не учили. После Гай предложил нам всем затыкать ноздри берушами, но мы этого не делали, потому что понимали: если шлем подведет, никакие беруши не спасут.

Гай стал третьим. Он был немец, и звали его не так. По-настоящему его звали Герхард, но это из него пришлось силком тянуть, чуть не выбивать. Он сказал, что с детства не называл себя этим именем. Просто услышав, и то злился. Гай ему больше подходило. Герхард – это какой-то толстяк, повар, суетливый усатый здоровила. Гай был не такой: шуплый, высокий и лысый, ни волосинки. Он был старшим из научных сотрудников и инженером. После смерти Ванды мы обсуждали, не повернуть ли обратно к Земле, независимо от разрешения центра, хотя еще неизвестно, удалось бы? Система не была рассчитана на разворот, пока не выгорит половина горючего, но Гай участвовал в разработке корабельных двигателей, он наверняка знал пароли для перепрограммирования системы и внесения поправок: смены координат и пункта назначения. Все было защищено паролями и протоколами, менять их мы не могли. Мы молча уложили тело Ванды в стазис-койку, остановили ход – хотя по-настоящему, конечно, остановиться не могли, все время двигались, такова уж природа пространства, в нем не бывает неподвижности и ничто никогда не прекращается, – отправили сообщение и стали ждать ответа с Земли. В этой точке задержка сигнала была на восемь минут – четыре на отправку, четыре на ответ, – но приходилось закладывать лишнее время на всякие аномалии. Мы отправили сообщение несколько раз, чтобы наверняка, и ждали, ждали... В конце концов нам велели продолжать: сказали, что мы не можем позволить себе остановку, и велели немедленно вернуть двигатели в нормальный режим. Все жизнеобеспечение на корабле на пьезоэлектричестве, заряжается от вибраций корпуса при работающем двигателе, чтобы не расходовать горючее, и чем дольше корабль неподвижен, тем меньше времени остается у жизнеобеспечения. Этот корабль строился для движения. Нам было велено продолжать: мол, смерть Ванды не критична, – и мы повиновались – некоторое время. Квинну и Эмми это не понравилось: они спорили, добивались разворота. Я их поддержал, и, когда они сказали Гаю, что разворачивают корабль, разразился настоящий скандал. Квинн орал, ссылаясь на моральную сторону (погибли люди, мы им кое-чем обязаны) и на самосохранение (погибли люди, и может быть, не последние), а Гай вдруг ухватился за стену и за сердце, стал драть грудь ногтями, колотил по ней, как колотят в драке в чужую грудь – натуральный сердечный приступ. В невесомости это смотрелось страшнее, чем при нормальной гравитации: в норме ждешь, что человек осядет на пол, а Гай, как волк из мультфильма, будто валился в пропасть, в падении хватаясь за грудь. Как сказала в тот вечер Эмми, утешая нас или пытаясь утешить, это бы и так могло случиться. А Гай был не в себе: принялся обвинять меня во всяком, превратился в параноика, что-то ему мерещилось. Никто не знает, что такое давление делает с человеческим телом, не говоря уж о мозге. Мы зашли туда, где раньше никто не бывал, и нам пришлось с этим смириться и двигаться дальше. Мы все были в форме, насколько это возможно: либо справимся, либо нет.

Квинн стал следующим, и с ним вышло почти забавно, как будто сцена из какого-нибудь пугающего телешоу, когда ждешь, что ведущий признается, мол, все это была подстроенная шутка. Он был вторым пилотом, но всегда называл себя сторожем.

«Мое дело – изредка нажимать кнопки», – сказал он мне на первом интервью. Я журналист, за тем меня и взяли: мое дело – документировать, снимать ролики, описывать. Мы живем в интересное время, мы умеем запоминать навсегда, не то что во времена бумаги, которая выцветает, слоится и рвется. Данные живут вечно, и настала новая эпоха журналистики: эпоха сохранности. Перед отлетом все говорили, что мне могут дать Пулитцеровскую премию. Мое дело – описать приключения людей, зашедших туда, где никто еще не бывал. Материал для фильмов, книг и грез: человечество снова исследует неведомое, пересекает пустыни, добирается до полюсов, разведывает глубины. Мы делаем это потому, что можем, – это первая строка моей статьи. В фильме я свое имя вывожу на экран четвертым, после других действующих лиц. Я – мальчик на побегушках. Звезды: Арлен – его скорая смерть стала поразительным твистом, его роль почти эпизодическая – и Квинн, но лицо Квинна на постере самое крупное. Квинн красив и чертовски обаятелен. Он похож на принца или какого-нибудь арабского посла:

темноволосый, с острым подбородком и водянисто-голубыми глазами – что удивительно при его происхождении. Предки Квинна – британцы со Шри-Ланки, но юность он провел большей частью в Калифорнии. У него был любопытный английский выговор, такой тягучий – он иногда перескакивал на него на заезженных фразах, когда просил чаю, сэндвич, надеть хоть какие-то штаны, а так говорил, как говорят на Западном побережье, гладко и быстро. Когда умер Квинн, я был снаружи – занимался проводкой в попытке справиться с компьютерами. Корабль не полагалось покидать поодиночке, но нас осталось мало. Пропала связь с центром управления, и мы запаниковали: пытались развернуть корабль, а для этого надо было перехватить контроль систем, а для этого кое-что переналадить вне корабля, и еще компьютерную систему внутри. Когда я вернулся, Эмми рыдала – совершенно в истерике. Не успокоить. Слов я не разбирал, но она рыдала безутешно, а Квинн лежал на полу, закатив глаза, и у головы скопилась кровь, потому что он упал – но двигатели не работали, и мы не двигались, и гравитация, сколько ее было, сделала свое дело: он неудачно ударился головой о стену – ужасная случайность, такое могло случиться с кем угодно, а я не мог добиться от Эмми, чтобы попыталась его спасти, – она только визжала. Я заглянул ей в глаза – ничего живого. Честное слово, это было страшно. У нее руки были в крови, и выглядело это... или могло бы выглядеть, будто это ее рук дело, но она не отвечала на вопросы, и должен же я кому-то верить. Никуда не денешься. Я навел порядок и снова включил двигатели. Тело перевалил в стазис-койку (вы когда-нибудь пробовали переносить тело в условиях микрогравитации? Оно парит, вихляется и неизбежно налетает на вас, и вы готовы забыть, что это тело: остается масса и форма, но веса в нем) и загерметизировал, как остальные, оставив подглядывать сквозь стекло, пока не вернемся домой. Все они выглядели спящими, кроме Ванды – у той глаза были в крови. Не знаю, почему мы не вытерли кровь, прежде чем уложить ее спать. И вот осталось двое. Последней – кроме меня, если я тоже умру, – стала Эмми.

Эмми умерла – я пишу так, хотя, может, все не так плохо, может, еще что-то можно сделать – через считанные часы после Квинна. Мы почти не разговаривали, потому что с ней что-то творилось, думаю, с психикой. О таком нас тоже предупреждали: срывы. Она будто винила во всех смертях меня и смотреть на меня по-человечески не хотела. Орала, что это я виноват, я в ответе за все. Назвала убийцей. Мы не разговаривали, и спать она не желала. В конце концов я забеспокоился, что во сне со мной что-то случится – вдруг показалось, что она способна что-то такое сделать, – поэтому я почти все время держал ее под успокоительными и пристегнул к койке. Нас предупреждали во время подготовки, какая это будет нагрузка для психики. Я вроде был в порядке, но Эмми несла всю тяжесть этого предупреждения. На тренировках они говорили обиняками, будто бы шутя, но никогда не знаешь, какая доля шутки в тех шутках. А потом полет и все эти смерти! Разве тут сохранишь здравый рассудок? Я сам не знаю, как держался – если держался. Мы снизили нагрузку, и я послал домой еще одно сообщение, не зная, дойдет ли, и молился, молился, чтобы они как-нибудь сумели ответить, а часы тикали и жизнеобеспечение тихонько гудело. Мы понимали, что на нас двоих запасов мощности хватит на день или около того: в расчете на шестерых было шесть часов, так что мы кое-как подсчитали, взяв за основу объем своих легких и запасные баллоны, которые можно было ободрать с ненужных теперь скафандров и подключить к системе. Вот так мы сидели, и она молчала, пока не решила со мной заговорить. Угрожающе, будто злодейка из кино, уверяла, что она в порядке, пыталась провести сеанс психоанализа и ничего не добилась. Я так напугался – за свою жизнь, если она попробует что-то сделать, пока я сплю или отвлекусь, – что пришлось ее усыпить. Пришлось. Пришлось ее усыпить, а потом я ввел ее в стазис и уложил в койку до возвращения домой, чтобы там ее разбудили и привели в порядок. Мне пришлось.

Это было дня два назад. Она пропустила лучшую часть пути, когда мы – я – достигли предельного расхода горючего, отметки 51 %, на которой кораблю полагалось развернуться и отправить нас к дому. Он не развернулся, и я смотрел, как показатель подходит к 52 %, а потом

переползает и эту отметку, и ждал, что будет. Я ждал бога из машины: чтобы что-то этак механически лязгнуло, и корабельные двигатели заработали, разворачивая нас по изящной кривой, а там вдали покажется Земля – светящаяся точка, как булавкой проколота. Мне предстояло наблюдать все это на мониторах, вспоминать пройденные нами созвездия, смеяться, видя, как те, что были справа, теперь слева, и весело махать им в окошко. Я посмотрел, как показания меняются от 50 к 51, и остановил корабль. Это я умел – кнопка остановки большая и зеленая, как в мультфильмах. Заморозка всех систем перед автоматическим отключением. Они переводятся в энергетическое положение ниже нижнего, чтобы сохраниться, как телевизор или компьютер. А там: динь! – вы их снова разбудите. Если где-то проблема, загорается красный огонек, и из динамика системы раздается гудок – протяжный, основательный, раздражающий. Должно быть, дизайнеры насмотрелись научной фантастики. Я воображал, как искусственный интеллект компьютера на манер опоздавшего студента спохватится, что тревога не сработала, и бросится исправлять. Этого не случилось, и тогда я перезагрузил все, что было, на продолжение поступательного движения. Я извел два процента горючего, гадая, не пропустил ли разворота, может, мы уже летим куда надо, к дому, – но я не пропустил и летели мы не туда. Вот оно как: я двигаюсь вперед, пока не кончится горючее, а потом продержусь на жизнеобеспечении – один, наверное, продержусь неделю, если не стану глубоко дышать, а потом останутся запасные кислородные баллоны на наружных скафандрах, а потом воздух кончится, и я умру. Во многих отношениях это успокаивает – знать, что это, скорее всего, случится. Помнится, много лет назад я читал в газете о журналисте, который знал, что болен раком, что умирает, и говорил, что ему так легче. Он продолжал идти вперед, и его семья это тоже приняла.

Потом ходили слухи, что его жена стала встречаться с другим, даже не дождавшись его смерти, потому что он так хотел. Не все так себя ведут, но он поступал так – ему это приносило успокоение.

Пожалуй, мне только такое успокоение теперь и осталось.

2

Ем я в одиночестве – а вернее, ем в помещении со всеми капсулами и мертвыми коллегами, потому что либо так, либо в кабине или другой части корабля. Машинный зал у нас просторный: несколько больших помещений, набитых непонятной мне техникой – все для переработки воды и воздуха и для движения вперед; и еще кладовые, они бы пустовали, не будь набиты ящиками с неиспользованными припасами. Энергоснабжение на грани – еще год назад его только-только хватало стартовать. Хватило. Не понимаю, как мы могли сомневаться.

Поразительно, как быстро начинаешь скучать. Эмми всего два дня как умерла – я по-прежнему так говорю, потому что в норме мы бы добрались до дома, и ее бы разбудили и как-то помогли, лекарствами или операцией – как-нибудь привели бы ее в чувство. Но здесь она мертва. Я знаю, что мы не вернемся, и никакая капсула не доберется к кораблю, чтобы передать мне план спасения. Я хочу сказать, у них там таких и не было.

Им бы пришлось так долго ко мне добираться, что, пока добрались бы, меня бы не было в живых. Никакого запасного плана.

Я здесь как вампир, сижу в темноте, в одиночестве и мечтаю о чем-нибудь – что угодно, только бы стало не так, как есть. Я отключил освещение – щелкнул выключателем, когда компьютер заорал, что мы идем на сближение с астероидом (подсказка на экране сказала, это Нерей), – просто чтобы посмотреть, правда. Только я его не увидел – в натуре. Техника показала его на экране: она выдает графические компиляции и снабжает данными. Экран нарисовал мне путь астероида, я видел вдали его хвост, он уходит к Земле, а там заложит крюк, пройдя так близко, что взбудоражит всех спящих астрономов. Земля отсюда – искорка, проблеск, светящаяся точка. Мы здесь, в пространстве, по двум причинам. Гая интересовали аномалии – те, что ни зондам, ни спутникам, ни телескопам никак не отследить: дальше изведанных нами пределов космоса. Но была и добавочная причина: науку оттеснили на задний план ради кое-чего не столь осязаемого. Первой нашей целью было вдохновить людей, стать первооткрывателями. Показать, что мы – все человечество – еще можем уйти дальше, раздвинуть границы возможного. В наше время никто не делает открытий, так что мы были новым авангардом. Это так волновало, было так важно. Мы метили в герои.

Свет выключен по всему кораблю, и я решил его больше не включать. Не нужен, пока не нужен. Здесь смотреть особенно не на что, а мне хватает подсветки стазис-коек и панелей. Никто здесь еще не бывал, и многие годы – если не больше – не будет. Зачем бы им рисковать? Мне нравится, что никто не узнает, что случилось. Из того, что контактные капсулы не вернулись к Луне, не связались с наземным центром управления и УПИ Минобороны¹, там сделают вывод, что с нами что-то случилось. А случиться могло многое, и каждая вероятность потянет на целый кинофильм. Мы вступили в первый контакт и теперь к Земле возвращаются наши обломки? Кто-то из экипажа заполучил космическую горячку и поубивал остальных? Пробоина в обшивке? Столкнулись с луной, с роем астероидов, с никем не предусмотренной космической аномалией – сделали Открытие? Течь в топливных баках, горючее кончилось, мы дрейфуем в пространстве? Мы вовсе не покидали Земли, а старт был фальшивкой, павильонные съемки? Они будут прогонять и другие сценарии, потому что им надо понять, что с нами случилось, что отбросило их назад на пятнадцать лет. В следующий раз на первом месте будет безопасность, минимизация рисков. Они годами будут спорить, стоит ли рисковать; и решатся, только если найдется настоящая цель, настоящая причина (может, ради колонизации или топлива). Пройдут десятилетия, пока они сочтут это безопасным, и корабль построят не по нашему

¹ Здесь и далее – аббревиатура, означающая управление перспективных исследований Министерства обороны США. – Прим. пер.

прототипу и загоняют испытаниями до полусмерти. Чтобы сэкономить энергию, старт производят с Луны, и корабль будет больше, и запас горючего больше, и команда – из пилотов да инженеров. Без бесполезного груза, без всяких там журналистов. Под завязку набит предохранителями, без которых мы обошлись, – вроде автопилота с искусственным интеллектом. Как бы там ни было, тот корабль взлетит и вернется, сделает то, для чего предназначен, хотя бы весь экипаж постигла никому не ведомая судьба. Может, команды вовсе не будет – так меньше вероятность ошибок.

На корабле чистота, совершенно клиническая. Как в операционной, а не как во врачебном кабинете – возиться тут не с чем. На полу не прочерчены направляющие линии, ни экранов, ни сирен. Только панели управления компьютерами и столы с прозрачными крышками, под которыми видно, что внутри: пищевые батончики, книги, медоборудование. На стене главной каюты пластиковые кресла – они раскладываются от стены, как в кино, и на краях клипсы, пристегивающиеся к штырькам на боковых швах наших брюк, чтобы мы сидели, не всплывая. Нам полагалось на время приема пищи собираться вместе. Какой-то психолог продумал целый список правил, чтобы помочь нам ладить между собой в таком долгом рейсе.

«Это создает чувство товарищества, – говорили они, – напоминает об уюте и безопасности: вы не одиноки, вы часть целого, вместе трудитесь ради единой цели. Подсознательно вы будете вспоминать домашние обеды с семьей».

«Классная мысль, – сказал, помнится, Квинн, – только моя матушка не стряпала дермальных батончиков в целлофановой упаковке».

Понятно, здесь нет ни ножей, ни вилок, только сотни пайковых упаковок. Спонсорами были разные продовольственные компании, и на вкус все похоже на настоящие бургеры, чипсы и пудинги, только в виде батончиков, твердых и хрустящих, если разогреть, а так мягких и влажных. У нас есть тренажеры, обеспечивающие физическую нагрузку, есть эспандеры, нам полагалось работать на них по полчаса в день, чтобы избежать потери костной массы. Еще есть койки для сна и для стазиса – в них спали каждую ночь. Они наклонены на сорок пять градусов, а мягкие бортики по краям не дают сползти. И еще нас удерживают на месте мягкие ремни. Всем нам раз-другой случалось поспать в воздухе. Почему бы нет? У них у всех есть дверцы. Стекло заиндевело, но все-таки сквозь него видны тела. У нас тут есть все, что может понадобиться: что-то вроде рубки, гостиной, спальни, каюты. Можно сказать, высший класс.

Я подумывал покончить с собой, но что-то удерживает. «Подумай, – говорит оно, – ты побываешь там, где никто еще не бывал. Такого глубокого космоса никто еще не видел. Ты войдешь в историю».

«Но ведь никто не узнает», – отвечаю я, но это «что-то» не отвечает, а просто торчит там в темноте. Я занимаю свое место в кресле в носовой части корабля и решаюсь пойти наперекор.

Я принимаю снотворные таблетки. Не знаю, чего хочу этим добиться. Снотворные – это крик о помощи, не так ли? Глотаю горсть, потому что не знаю, сколько требуется: их даже не в аптечке держали – раздавали каждому про запас, сказав, что возможны нарушения сна. Вытошнив их в белый бумажный пакет, я уничтожаю отходы. Чувствую себя ужасно. Не понимаю, зачем я это сделал. Я никогда таким не был. Не было во мне такой силы.

Хуже не бывает, когда какая-то техника дает гудок, а ты не знаешь, что делать. Тут целая панель с переключателями рядом с большой кнопкой «пуск/пауза», а на экране ничего не значащий жаргон. Приятно видеть расположение звезд – не знаю, почему это устройство предусматривали только для инженеров. Указатель горючего я понимаю, и аккумуляторов тоже – у нас осталось 42% горючего, 93% пьезоэлектрической мощности, резерв энергии на шесть часов, – и я умею определить, что жизнеобеспечение в рабочем режиме. На экране мигают крошечные циферки: 250480. Я не узнаю число и не знаю, что оно обозначает. Оно в маленьком окошке, такие выскакивают, когда слетает компьютер, или когда открываешь программу, или как напоминалка о назначенной встрече. И еще он попискивает и зажигает красный огонечек не больше

булавочной головки, и тот начинает мигать – одинокая лампочка, я бы ее даже не заметил, если бы не висел прямо над ней. В компьютере установлена система поддержки, так что я открыл другой экран и задал на нем поиск среди тысяч документов тех, что относятся к работе шаттла, но ничего не получил. 250480 – и ничего. Похоже, это ни к чему не относится, ничего не значит.

«Не обращай внимания», – говорю я себе.

Вот что интересно: возможно, мы могли бы двигаться быстрее, чем двигались. Двигатели у нас установлены двухлетней давности, а с тех пор техника невероятно шагнула вперед. Мы могли бы набрать скорость раза в три больше, но тогда расход горючего едва позволил бы добраться до Луны. Вот с сигналами в космосе другое дело, это же волны. Нам с их скоростью не равняться, потому что они ничего не весят. Мы задаем им расстояние и направление, выстреливаем их, и – ба-бах! – они попадают в цель. Дальней связи у нас не было после ухода с орбиты – технически говоря, из магнитосферы, так мне объясняли ученые. Может быть, это пришло сообщение. Может, дошел какой-то подпространственный сигнал – 250480. Может, так мне сообщают, что я доберусь домой.

Стоит мне разволноваться, огонек гаснет, а через секунду или две обрываются и гудки. 250480 все еще висит на экране, но его скоро заслоняет вылезший список датчиков: горючее 41 %, энергия 49 %, жизнеобеспечение – на шесть часов.

Небо вокруг красивое. Мы – то есть те, кто в космосе, забравшиеся туда, где никто не бывал, – не называем его небом, и даже космосом не называем. Мы обозначаем его как настоящее пространство: чернотой, Мраком – как что-то непонятное. Мы подбираем другие слова, описываем так, чтобы людям оно показалось привлекательным, красивым, трогательным, значительным. Мы наполняем его тайной: это неизвестность, нечто совсем иное, аномальное, пугающее, неподвижное и вообще потустороннее в самом буквальном смысле слова. Здесь, так близко, что рукой подать, это просто пространство – если бы и захотелось, не к чему там тянуться. И нет горизонта, чтобы ориентироваться, невозможно сказать, где мы. Мы можем сказать: «Ну, мы прошли столько-то» – я могу сказать: «Ну, я прошел столько-то, я знаю, сколько горючего истратил корабль, почему бы и нет, вряд ли счетчики врут», – но по сравнению с тем, что за бортом, это ничто. Просто число. На такой глубине ничего нет. Темнота, как нефть или смола. Звезд я не вижу. Я погружаюсь в ничто. Я им упиваюсь.

В корабле есть такая штука, мы называем ее Пузырем – встроенный в потолок главного зала выпуклый купол из непроницаемого пластика, дающий обзор на 360 градусов вокруг себя, – и когда они еще все были живы, я смотрел, а они мне объясняли, что мы видим: Землю, когда свет был подходящим. С такого расстояния она казалась почти целиком белой, блестящей, как монетка.

Когда мы в первый раз проснулись, я только на нее и смотрел, даже пока мы занимались телом Арлена. Задавал компьютеру самое высокое разрешение. Мы вылетали в августе, облачность была редкая. В первую пару дней я ловил себя на том, что слежу за оставшейся позади Землей, поражаюсь, как темная половина, почти безупречная черта, прочерченная по Земле, скребет по проворачивающейся планете, медленно стягивает одеяло и будит людей. В любой момент можно было увидеть, где еще спят, города светятся угольками, а сколько уже проснулись, гасят свет, берутся за дела. В цифровой телескоп нам видны были суда в море и прочерченные ими следы за кормой – блестящие следы за мелкими точками – такие оставляют слизняки. Мы видели взлетающие в воздух самолеты, коммерческие рейсы. Видели очертания городов и различали в них лица – и в облаках тоже лица, только на изнанке.

В космосе становишься философом, чувствуешь себя не собой – другим человеком. Когда смотришь в небо снизу, привычно называешь то, что над тобой, небом, но если ты – его часть, то что оно такое? Ничто или все. Просто то, где ты есть. Здесь, посреди космоса, или в конце его, или в начале, понятия не имею, здесь – это просто то, где я сейчас.

Компьютер снова пищит. Прошло несколько часов, а может, и дней, когда я о нем не вспоминал. Я спал. Эта неизменная полная тьма незаметно нагоняет усталость. Интересно знать, как обходятся в Арктике или в Исландии. У нас здесь есть часы, но они спрятаны в компьютеры, поэтому забываешь, когда начинается день и кончается ночь – или наоборот. Запросто можно заснуть, когда не положено. Откуда мне знать, может, в сутках теперь десять часов.

Гудки пробивают гул двигателей, и огонек, хоть и крохотный, виден через весь зал. На экране то же сообщение, тот же набор цифр, и снова программа поддержки в окошке поиска ничего не дает. Горючего теперь 31 %, похоже, расходуется быстрее, чем я рассчитывал, и быстрее, чем мне бы хотелось. Быстрее, чем должно, и неизвестно на что. Я копирую выданные компьютером цифры обратно в него, как пароль или инструкцию, – может, он так предлагает мне помощь, разумный выход из положения – но ничего не меняется. Пилоты наверняка должны были знать, что с этим делать. Арлен повернул бы рычажок, один из сотен переключателей с цифровыми обозначениями и аббревиатурами, и все бы кончилось. Квинн бы постучал пальцем по экрану, улыбнулся бы цифрам.

«Нашли они нас, – сказал бы он. – В такой-то дали! И захватили с собой наши любимые лакомства и напитки!» И мы бы поели за столом, подключив силу тяжести, и не волновались бы насчет расхода энергии, и о возвращении домой не волновались бы, потому что уже были бы там.

Через несколько часов гудки прекращаются. У корабля осталось 30 %.

Уходит по проценту за несколько часов. Я взялся как следует отслеживать. В разделе поддержки прочитал, как посмотреть диагностику – я все там перечитал от корки до корки, хоть они и цифровые, – которая позволяет увидеть точные данные, увидеть, как горючее расходуется миллиметр за миллиметром, но так неинтересно. Я придумал игру, смогу ли я предсказать, когда значение упадет в следующий раз. Это почти искусство: у двигателей на удивление постоянный расход горючего, а здесь нет сопротивления среды, чтобы нам в ней увязнуть, замедлиться, изменить расчеты. Сначала я ошибся на три часа, с третьего раза – на двадцать минут. Когда осталось 33 %, я уже вел обратный отсчет.

В кино бывает момент, когда эти слова повторяются: пошел обратный отсчет, обратный отсчет, обратный отсчет, – и мы линяем к началу экспедиции, где все пристегнуто к стазис-койкам. Нам разрешили провести в них не больше двух суток – норма, выведенная не столько из проведенных испытаний (мы полагали, что испытывают на обезьянах, но вопросов не задавали), сколько из сокращения подачи кислорода – чтобы тормозить процессы, поддерживать стабильность. Мы спрашивали, что бывает от излишка – или от недостатка – кислорода, а врачи отвечали, что могут случиться судороги или что-то такое. Журналисты замечают отговорки. Так игроки умеют замечать блеф или когда кому-то пришли тузы. Только при моей профессии это заходит еще дальше, делаешь еще один шаг. Замечаешь признаки, что давить не стоит. Не тронь, лучше будет. Врачи что-то знали или подозревали, и мы подписали документы, что на нас не оказывали давления, что мы сами согласились на полет и связанные с ним риски. Лучше не знать. Старт был автоматический, мы все спали, пока не услышали из динамика над собой голос, ведущий обратный отсчет. (Я полагаю, они его слышали, хотя доказать не могу.) Стазис – странное состояние: ты заморожен, но не мерзнешь. На самом деле просто спишь, но препараты, которыми нас накачали, отключают в организме все, что можно отключить без ущерба, и во время сна понижают температуру. Просыпаешься мокрым насквозь – это в фантастических фильмах семидесятых довольно верно показывали, – но это от собственного пота. Тебя не трясет, никакого похмелья, тошноты. Пришел в себя – прими душ. (У нас в корме есть камера – в раздевалке у шлюза, – в которую надо забраться. Упираешься в потолок – чтобы не всплыть, – и камера наполняется мыльной водой, потом ее откачивают и снова наполняют переработанной водой, и ее тоже откачивают. Я много дней не мылся, все забываю.) Стазис понадобился из-за перегрузок – Квинн, пока мы пристегивались, объяснял мне, что ускорение

при старте, когда прорываемся сквозь земную атмосферу, так велико, что нас бы всех переломало при старте, а потом мы проходим почти вплотную к Луне, чтобы разогнаться, вырываясь из ее гравитационного поля, и тогда набираем такую скорость, что неизбежны перепады давления, а температура понизится так, что не выжить. Стазис позволил нам остаться в целости и сохранности. Это всего на несколько суток – но почему тогда было не проспать большую часть пути? Мы проснулись уже далеко за Луной, и нашли Арлена, и занимались им, а потом по очереди помылись в душе и открыли на несколько минут сток, чтобы всосал всю плавающую вокруг воду. К тому времени мы вполне проснулись и занялись делами: проверкой систем и состояния здоровья, заметками, записью интервью, наблюдением за Землей, превращающейся в точку в Пузыре.

Половина процентного цикла прошла. На обед сегодня батончик со вкусом ветчины, на десерт батончик со вкусом шоколадного кекса. Попозже я сегодня вскрою бутылку воды и посмотрю, как она повисает в воздухе воздушным шариком, а потом постараюсь втянуть ее через соломинку, плавая вокруг и гоняясь за ним.

Я рассматриваю свою бороду в зеркальной фольге обертки – она отражает меня искаженным, как будто это вовсе не я. Я пока не сомневаюсь в своем рассудке, хотя, пожалуй, пора бы – но замечаю, что борода стала отрастать, потому что я не бреюсь, потому что не слежу за собой, как, наверное, стоило бы. Я все еще точно такой, как был. Я по одному осматриваю членов экипажа – посмотреть, нет ли изменений. У Арлена борода не растет – говорят, после смерти такое бывает, но я ведь его заморозил. Я их всех заморозил. Мы не меняемся, даже здесь, в такой дали.

27 %, и все на паузе, я нажал большую кнопку, когда моргнул счетчик горючего. В аккумуляторах резерв на шесть часов жизнеобеспечения – но это тоже в расчете на полную команду, так что мне хватит на день с лишним, может, ближе к двум дням – еще два дня сидеть здесь, на краю пустоты. Я гадаю, протяну ли столько. Я вхожу в компьютер, открываю свои файлы. Там все мои записи интервью. На много часов записей, разбитых по категориям: переживания перед стартом, истории детства, мгновения славы, мысли о команде, мысли о космосе, мысли друг о друге, о самих интервью, какими им хотелось бы запомниться, проблемы с космосом, проблемы с техникой, рассуждения: что значит быть героем, что значит быть первооткрывателем. Я раскладываю их в хронологическом порядке и кликаю первое. На экране лицо Эмми, оно заполняет экран на переборке в дальнем конце зала, и голос из динамика на потолке слышен совершенно отчетливо.

«Я начинала с работы в больнице – училась в Брисбене и Сиднее, потом перевелась в Лондонский колледж, а работала в больнице Святого Барнабаса. Три года работы в больнице, а потом меня, так сказать, завербовали. – Она смеется. – Завербовали! Так это называется. И еще три года подготовки, прежде чем меня спросили, хочу ли я лететь. Мы проходили тройные испытания на невесомость. Поднимали нас в шаттле, потом роняли в атмосферу, а нам надо было провести операцию. Ненастоящую, на манекенах, но в них были мешки с кровью, и мы видели, как она плавает в воздухе. Как это будет, если кому понадобится, – не знаю... ампутация, а гравитацию не стабилизировать. Может, придется оперировать в невесомости, и мы должны были знать, какие возможны осложнения, как с ними справляться. Там требуется больше зажимов и тампонов».

От одного ее голоса мне становится так хорошо, как много дней не бывало. На экране она выглядит молодой, симпатичной, светловолосой австралийкой, как и ожидаешь. В стазис-койке у нее глаза застыли открытыми – я забыл их закрыть, не знаю почему, может, подсознательно, как говорят мозгоправы, хотел, чтобы она на меня смотрела, – и в свете экранов у нее застывший, неподвижный взгляд. Размен: я предпочел видеть их открытыми и мертвыми в стазисе, а живыми на экране, чем вовсе не видеть.

«Я раньше работала в Судане, ездила с профилактическими осмотрами; иногда кому-то требовалась помощь – что-нибудь вроде разрыва связок, но ничего экстраординарного. Чаще всего там было недоедание, голод. Я таких ужасов насмотрелась. А потом меня спросили, не хочу ли заняться более трудным и вдохновляющим делом».

Я смотрю видео, пока не отключаюсь. Она так напоминает мне Елену, не знаю уж чем.

Предки Елены были греки. Она подходила под стереотип: страстная – иногда это даже надоедало – голосистая хохотушка, в первые минуты взрыв и пожар, пока не проберешься глубже – обычно через смех, через страсть. Великолепно готовила – это у нее от матери. Мы встретились, когда я проводил отпуск у друзей, я там был единственный холостяк. Пришлось мне убивать время за фотографией – совершенствоваться в этой стороне профессионального искусства: фотография была предлогом, пока все мои друзья потирались друг о друга и кормили друг друга лакомствами со своей тарелки – а с ней я познакомился в первый же день, она тоже отдыхала одна, потому что твердо решила порвать с прежней жизнью. Кончилось тем, что она примкнула к нашей компании. Никакого вихря страстей: познакомились, понравились друг другу, влюбились, поженились. Простые истории иногда самые лучшие, они не требуют объяснений, просто так получилось, и ты принимаешь все как Истину, как судьбу. Если снимать об этом фильм, ее роль надо отдать классической актрисе, красивой, но не слишком, темнокожей, таинственной и любящей. Но фильм будет обо мне здесь и сейчас – как я выжил так долго в одиночку, запертый наедине с собой. Так далеко никто еще не бывал, и людям захочется об этом узнать. В очередь выстроятся, чтобы на нас посмотреть. Думаю, им будет все равно, кто сыграет Елену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.